

ЕРВАНД ОТЬЯН О ГИБЕЛИ ГРИГОРА ЗОГРАБА

В годы Первой мировой войны Западная Армения понесла большие потери. Весной 1915 г. младотурками была организована и осуществлена депортация и резня полутора миллионов армян. Этой жестокой судьбы не избежала ни одна прослойка армянского общества. 24 апреля и в последующие дни были арестованы все лучшие представители константинопольской армянской интеллигенции, и лишь некоторым из них удалось впоследствии спастись. В числе последних был известный армянский писатель-сатирик Ерванд Отьян (1860—1926). С лета 1915 г. по ноябрь 1918 г., пережив весь ужас гонений и нечеловеческих мук, он вновь нашел пристанище в Константинополе. В годы скитаний Е. Отьян стал очевидцем злодеяний, совершенных младотурками в отношении армянского народа, а также из первых уст им была услышана горькая правда о трагических событиях в Османской Турции. Особенно подействовали на него события, связанные с судьбами выдающегося армянского писателя, крупного общественно-политического деятеля Григора Зограба (1861—1915) и Ованеса Серингюляна (1871—1915), известного также под именами Зармайр, Гисак и особенно Вардгес, сыгравшего большую роль в общественной жизни Турции. Спустя некоторое время в бакинской газете «Наше время» (27.IV.1919) была опубликована на русском языке статья Отьяна «На смертном пути. Зораб и Вардгес». Возможно, существует и оригинал статьи на армянском языке, который нами не обнаружен.

Публикуемый материал в новом аспекте представляет судьбу двух видных армянских деятелей, патриотов-мучеников*.

А. А. ЗАКАРЯН

НА СМЕРТНОМ ПУТИ

Зораб и Вардгес

I

На протяжении всего своего скорбного пути, от Константинополя до Урфы, Зораб и Вардгес—эти два мученика—встречали всюду нежное и благоговейное к себе отношение со стороны армян.

Когда я через два месяца после их ссылки проследовал по тому же пути в Алеппо, убедился, что память об них еще свежа. Везде—в Конии, Адане и Алеппо—все говорили об этих первых мучениках.

Игнорируя надзор полиции и рискуя собою, многие из армян выдвинулись к ним, и теперь они с чувством благоговения вспоминали их последние слова.

На всех оставило глубокое впечатление угнетенное состояние духа Зораба. В то время, как Вардгес с какой-то беспечной веселостью и с улыбкой на лице беззаботно беседовал со всеми, Зораб редко нарушал свое молчание, и то лишь для коротких ответов на заданные вопросы. Курил он непрерывно целыми часами, погруженный в тяжелые думы.

* К судьбам Зограба и Вардгеса обращались неоднократно. В частности, см.: Григор Зограб в событиях геноцида (национально-литературный еженедельник «Наири», Бейрут, 1975, № 46—50, май, на арм. яз.).

Вардгес. всегда настроенный оптимистически, всячески старался ободрять и развлекать своего друга, но тщетны были его старания.

— Нас ведут на смерть, — неизменно повторял Зораб.

В Алеппо, где изгнанники пользовались сравнительно большей свободой, часто их приглашал к себе обедать хозяин гостиницы, некто Мазлумян. Г-жа Мазлумян мне рассказывала, что за обедом с аппетитом ел только Вардгес, Зораб же едва дотрагивался к кушаньям и то после долгих увещаний. Он часто со слезами на глазах вспоминал о своей жене и детях.

Об обстоятельствах, при которых он был арестован, Зораб рассказывал г-ну Мазлумяну.

Думаем не будет лишним привести этот рассказ здесь.

Ночью, когда Зораб был арестован, он играл в карты с Талаат-пашой и Халил-беем в гостинице «Cercle d'Orient». Окончив игру, в полночь Зораб встал, чтобы уйти. Талаат тоже встал и подошел к Зорабу поцеловал его.

Это неожиданное выражение симпатии озадачило Зораба.

— Что означает этот поцелуй? — спросил он.

— Это от сердца-сердца, — ответил он.

Зораб вышел из гостиницы, сильно взволнованный. У него было смутное предчувствие, что, что-то недоброе кроется в этом поцелуе.

Была теплая, прекрасная ночь. Зораб решил пешком пойти домой. Едва он сделал несколько шагов по улице, как заметил, что кто-то следит за ним, одну минуту он подумал, что ему, быть может, это только кажется. Перешел на другую сторону улицы. Тот последовал за ним. Зораб ускорил шаги, то же самое сделал и тот. Не вытерпев более, Зораб обернулся и спросил:

— Вы за мною следите?

— Да, — ответил тот, оказавшийся комиссаром полиции.

— По какой причине?

— Мне приказано.

— Знаете кто я?

— Знаю, вы Зораб-эфенди.

— Но без сомнения, это недоразумение, — сказал несчастный Зораб, — я сейчас сидел с министром внутренних дел...

— Может быть, но данный мне приказ категорический и я должен подчиниться.

Зорабу ничего не оставалось больше, как продолжать дорогу. Дойдя до дома, он заметил другого полицейского, который ожидал его у подъезда его квартиры. Комиссар и полицейский следом за Зорабом поднялись по лестнице.

— Что сказано в данном вам приказе? — спрашивает Зораб.

— Доставить вас в полицию.

— И сейчас же, немедленно?

— Да, сейчас же.

— А если я не пойду?

— Тогда мы вас силой поведем.

— А вы знаете, что я член парламента?

— Знаем, но данный нам приказ категоричен.

Комиссар при этом добавил, что он, Зораб, на следующее же утро, т. е. через несколько часов, должен отправиться в путь, поэтому необходимые для дороги вещи он может захватить с собою.

Зораб вошел к себе на квартиру, разбудил семью и наскоро уложив чемодан, вышел из квартиры, сопровождаемый рыданиями семьи, преданся в руки ожидавших его полицейских.

В то же самое время, но при несколько иных обстоятельствах был арестован и Вардгес, и рано утром они оба были доставлены на вокзал Гайдар-паша. Сопровождали их один полицейский и один шпион в штатском платье.

Полицейский хотел поместить их в вагон третьего класса. Вардгес и Зораб отказались ехать в третьем классе. Полицейский настаивал, говоря, что вагон этот специально приготовлен для них. Но оба арестованные протестовали и с еще большей настойчивостью требовали, чтобы их отправили в первом классе.

Спор продолжался до тех пор, пока Зораб не достал из кармана кредитную бумажку в 25 турецких лир, и вручив ее полицейскому, предложил ему купить четыре билета первого класса для всех четверых.

— Иначе я отказываюсь ехать,—прибавил он. Пришлось уступить полицейскому: его соблазнила, без сомнения, возможность прикарманивать излишек денег после покупки билетов.

Служащие армяне на станции Гайдар-паша, узнав Зограба, предложили дать знать Антону Тарак, который поспешно спустился к ним, не будучи осведомлен, при каких обстоятельствах путешествуют они. Заметив приближающегося к нему г-на Тарака, Зораб рукой дал ему знать, чтобы тот не подходил.

Г-н Тарак, рассказав мне эти подробности после моего возвращения из ссылки, добавил:

— Бедный Зораб был чрезвычайно взволнован, бледен и угнетен. Забравшись в угол вагона, он молча сидел и неустанно курил, пока тронулся поезд.

II

В Кони оба изгнанника были приняты несколькими местными армянами, оказавшими им посильную помощь, не взирая на угрожавшую им явную опасность со стороны полиции.

Последняя разрешала свидание с ними, но при условии, чтобы разговор велся на турецком языке. При этих условиях, естественно, о многом не могли говорить.

В Адане изгнанники также нашли радушный прием со стороны своих соотечественников, большой толпой вышедших на вокзал для их встречи.

Один из местных купцов, по имени Мигран Бояджян, получив охрану и разрешение для поездки до первой станции навстречу изгнанникам, имел возможность видеть их и говорить с ними по-армянски. Он спросил, какие он мог бы им оказать услуги.

— Сообщите нашим семьям о нашем проезде через Адану,—ответил Зораб,—другой услуги нам не нужно.

— Быть может, вы нуждаетесь в деньгах?

— Нет, благодарим вас; мы в деньгах пока не нуждаемся.

— Куда везут вас?

— В Диарбекир, чтобы судить нас, но мы не уверены, что доедем.

А Вардгес весело прибавил:

— Диарбекирская тюрьма мне уже известна, неважная тюрьма, но есть худшие. Видите этот коврик? В диарбекирской тюрьме он был моим товарищем. Теперь мы вместе путешествуем с моим старым товарищем по тюрьме.

В Алеппо, как мы уже сказали, Зораб и Вардгес пользовались сравнительно большей свободой. Произошло это благодаря местному губернатору, старому знакомому Зограба.

Пользуясь этой свободой, некоторые из местных армян составили план побега для двух изгнанников.

План был, хотя и рискованный, но осуществимый. Предлагали с помощью караванщиков верблюдов отправить обоих изгнанников в Бейрут или Диарбекир, а оттуда по морю дать им перебраться на остров Кипр.

В ту пору надзор по сирийскому побережью моря не отличался особой строгостью, и этот проект имел много шансов на успех. Вардгес выразил согласие, но Зораб воспротивился и наотрез отказался, говоря, что состояние его здоровья не позволяет ему делать подобного рода рискованный шаг.

— Ты лично беги, если желаешь,—сказал он Вардгесу.

Но Вардгес ни за что не соглашался бросить друга.

— Что бы ни случилось, с тобою я не расстанусь,—отвечал он.

Зораб решил обратиться к Джемалу-паше и просить его помощи. С этой целью он отправил бумагу диктатору Сирии. Эта последняя бумага Зораба, написанная по-турецки и с редким красноречием, как утверждал Мазлумян, была оставлена без ответа и без последствий, и два изгнанника были отправлены дальше, по направлению к Урфе.

Неизвестно, сколько времени они пробыли в Урфе, не более, вероятно, двух-трех дней, и оттуда они были отправлены в экипаже, в сопровождении полицейских стражников в Диарбекир.

Гнусное злодеяние имело место на расстоянии нескольких часов езды до Урфы. Группа турецких чиновников окружила экипаж. Предводителем четников, как мне сообщили в Алеппо, был Халил-бей, родственник Энвера, назначенный впоследствии главнокомандующим багдадской армией, вероятно в вознаграждение за выказанную им «храбрость» при убийстве Вардгеса и Зораба.

Убийцы остановили экипаж и приказали заключенным сойти с экипажа. Зораб подчинился, но Вардгес остался на месте и крикнул:

— Я не сойду, убейте меня в экипаже.

В такой обстановке приняли мученический венец Зораб и Вардгес, два благородных сына армянского народа. Кучер армянин, выдавший себя за турка, вернулся в Алеппо и рассказал там об этом злодеянии со всеми подробностями.

Четники, как полагается, ограбили своих жертв.

Обручальное кольцо и часы Зораба проданы в Алеппо, а его феска, неизвестно, какими путями, очутилась у одной миссионерши.

От Вардгеса не осталось никакого следа.

Да будет память о них неизгладима в сердцах армян!